

УДК 81'37:81-116.3

Моря Лилия Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Русский язык и русская литература»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: l.a.morja@sevsu.ru

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО
ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. ПАСТЕРНАКА
«ЯНВАРЬ 1919 ГОДА»)**

Статья посвящена исследованию взаимосвязей лексических значений в системе художественного текста на примере стихотворения Б. Пастернака «Январь 1919 года». Последовательно рассматривается реализация и изменения значений слов в тексте стихотворения с опорой на их словарные толкования, представленные в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. На основе развёрнутой системы словесных значений раскрывается концептуально-философское содержание стихотворения.

Ключевые слова: семантико-стилистическая система текста, лексическое значение, коннотация, речевой (словесный) образ, поэтическая лексикография.

Liliya A. Morya

PhD of Philology science, Associate Professor,
Head of the department «Russian language and Russian literature»,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

**SEMANTIC AND STYLISTIC SYSTEM OF THE POETIC TEXT
(BASED ON THE POEM by B. PASTERNAK “JANUARY 1919”)**

Abstract. *The article is devoted to the study of the interrelationships of lexical meanings in the system of a literary text on the example of the poem by B. Pasternak “January 1919”. The implementation and changes in the meanings of words in the text of the poem are consistently considered, based on their dictionary interpretations, presented in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” by S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. On the basis of an expanded system of verbal meanings, the conceptual and philosophical content of the poem is revealed.*

Key words: *semantic and stylistic system of the text, lexical meaning, connotation, speech (verbal) image.*

Для цитирования:

Моря, Л. А. Семантико-стилистическая связность поэтического текста (на материале стихотворения Б. Пастернака «Январь 1919 года» // Гуманитарная парадигма. 2020. № 4 (15). С. 35–44.

Как известно, литературное произведение с точки зрения формы представляет собой специфическую систему компонентов поэтики, определяющих его своеобразие. Цельность художественного текста «в соотношении со связностью» определил В. А. Лукин, а о системности произведения словесного искусства ранее заявляли И. В. Арнольд, М. Б. Борисова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, Б. А. Ларин, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Р. О. Jakobson. Одной из подсистем литературного текста является авторский язык — именно словесная ткань произведения представляет главный предмет исследований учёных-лингвистов.

Авторское слово во всей совокупности его составляющих находит выражение в таких аспектах творческого мышления писателя, как:

- тяготение художника к тем или иным пластам словаря и особая эстетическая активность определённых словесных групп и значений [см. 3, с. 126];
- своеобразие экспрессивного переосмысления слова, типов и моделей тропов;
- специфика организации смысловой структуры многозначного слова и отдельных лексико-семантических групп;
- характер преобразования семантических, словообразовательных, сочетаемостных, экспрессивно-стилистических связей слов;
- принципы использования средств фразеологического фонда языка и др.

Семантико-стилистическая система авторского языка представляется нам, вслед за Д. М. Поцепней, как «художественно мотивированное единство используемых писателем лексико-фразеологические средств, которые подчинены определённым принципам отбора и употребления, обоснованным авторским видением мира» [9, с. 28]. То есть характер словоупотребления и семантического преобразования лексических единиц, а также семантико-стилистический строй произведения формируют «переклички» словесных образов — объективно возникающих в тексте соотношений между значениями отдельных слов. Определение характера этой связи элементов текста, в том числе и «приращений смысла» (В. В. Виноградов), которые языковые средства приобретают в конкретном тексте, лежат в основе филологического анализа текста [5, с. 3, 27].

Семанτικο-стилистическую связность художественного текста в основе рождаемых творческим мышлением автора словесных образов мы продемонстрируем на примере стихотворения Бориса Пастернака «Январь 1919 года» (1919). Все лексические значения слов и фразеологических единиц указаны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6], ссылки на который даны в круглых скобках с указанием страницы.

В качестве историко-литературной справки отметим, что стихотворение «Январь 1919 года» вошло в книгу «Темы и вариации» (1917–1922) — четвёртый поэтический сборник Б. Пастернака, последовавший буквально через год после мгновенно прославившей поэта книги «Сестра моя — жизнь». Примечательно и то, что данное стихотворение входит в цикл «Болезнь», в котором с особой силой боли и отчаяния изображена социально-историческая катастрофичность событий в стране (Гражданская война, революция 1917 года) через факты личной биографии автора (а именно: «обрывки тяжёлых событий прошедшего (1918-го — Л. М.) года, гложущая боль потери, чувство разбитости» [8], а также и тяжёлая болезнь в период эпидемии инфлуэнцы (вирусного гриппа), унесшего зимой 1918–1919 гг. множество жизней).

Приведём текст исследуемого стихотворения полностью [7, с. 181].

Январь 1919 года

Тот год! Как часто у окна
Нашептывал мне, старый: «Выкинься».
А этот, новый, всё прогнал
Рождественскою сказкой Диккенса.

Вот шепчет мне: «Забудь, встряхнись!»
И с солнцем в градуснике тянется
Точь-в-точь, как тот дарил стрихнин
И падал в пузырьёк с цианистым.

Его зарёй, его рукой,
Ленивым веяньем волос его
Почерпнут за окном покой
У птиц, у крыш, как у философов.

Ведь он пришёл и лёг лучом
С панелей, с снеговой повинности.
Он дерзок и разгорячён,
Он просит пить, шумит, не вынести.

Он вне себя. Он внёс с собой
Дворовый шум и — делать нечего:
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не вылечивал.

Начнём с интерпретации названия стихотворения. Отметим, что для Пастернака «сезонные» номинации (по временам года и месяцам) весьма характерны («Февраль. Достать чернил и плакать», «Кремль в бурян конца 1918 года», «Март», «Июль», «Август» и др.). Название «Январь 1919 года» первоначально воспринимается хроникально: семантика слов *январь ... года* в сочетании с числительным указывает на «внешнее» время лирического сюжета стихотворения. Но при знакомстве с текстом стихотворения становится понятно, что это название может быть истолковано и образно: лексико-семантические связи внутри текста (которые мы рассмотрим ниже) сообщают заголовочному словосочетанию значение субъекта, причём субъекта активного, активно действующего. Поэтому номинацию *январь* воспринимаем не просто как маркёр художественного времени, а как персонаж стихотворения; а приём персонификации — то есть представления образа года в качестве действующего лица — выделяем в качестве основного приёма, организующего текст. Помогает персонифицировать олицетворяемый автором образ приём антитезы (год *тот* и *этот*). Соответствующее речевое оформление этих приёмов способствует созданию словесных образов, с показательным для них взаимодействием принципов персонификации и антитезы. Так, *тот* год описывают глаголы со значением контакта: *нашёптывал, дарил* — и прилагательное *старый*. В последнем отмечается «раздвоение» семантики: *старый* — это одновременно и «бывший прежде чего-н. другого, предшествующий» (763), и «достигший старости» (763) (прежде всего, человек). Последнее значение слова *старый* применительно к году является переносным, но именно оно актуализировано в тексте синтаксической конструкцией одиночного обособленного определения, тяготеющей к субстантиву. А *этот (новый)* год характеризуют глагол контакта *шепчет*; соматизмы *рука, волосы*; определения *дерзок* (возможно, и «непочтительно, оскорбительно грубый», и «исполненный дерзания, смелый» (162)), *разгорячён* (от *разгорячить* — «возбудить, раздражить» (141)), *вне себя* («в крайнем волнении, в исступлении от чего-н.» (87)).

Антитеза в этом стихотворении основана не только на языковых антонимах (*тот — этот; старый — новый*). Контрастны также и дополнительные значения и коннотации слов-антонимов, противопоставленных лишь в контексте, неузуально. На противопоставлении зиждутся и возникающие в результате вносимых автором оценочных смыслов ассоциативные ряды речевых образов, соотнесённых с *тем* и *этим* годом. Пара *тот — этот*, выступающая первичной парой антитезы, нейтральна. Не имеет оценочного компонента и пара *старый — новый* в узуальном

словоупотреблении; однако в контексте со словами *год* и *январь* она получает уточнение значения как «прошедший» — «наступивший», а сочетание слов *новый* и *год* ассоциативно отсылают читателя к представлению о празднике (Новый год), что способствует появлению у слова *новый* положительной коннотации. При этом без привязки к слову *год* некоторые значения прилагательных *старый* и *новый* коннотативны. В частности, оценочную коннотацию имеют многие лексико-семантические варианты слова *старый*: 2. ...Стариковский, старческий, немощный... 4. Негодный, дурной, несообразительный... 6. || Ставший негодным, недействительным... 13. Несовременный, устарелый» [2]. Таким образом, в антитезе *старый* — *новый* находит выражение неузальная, ситуативная эмоционально-стилистическая окрашенность: соответственно 'плохой' — 'хороший'.

В состав антитезы входят также однокоренные глаголы *нашёптывал* (старый год) — *шепчет* (новый год). Слово *нашёптывал* имеет негативную оценочную коннотацию — «наговорить шёпотом чего-н.; внушить, насплетничав» (400), а *шепчет* — нейтральное в узусе («говорить шёпотом» (894)), но в контексте приобретает положительную оценку по контрасту с *нашёптывал*. А включённые в прямую речь слова: *выкинься* — *забудь*, *встряхнись* — оказываются противопоставлены по особому, антропоцентрическому, семантическому признаку «воздействие на человека». *Выкинься* в сочетании с обстоятельством *у окна* маркировано как негативное, так как ассоциируется с аутоагрессивными действиями; *встряхнись* («оживиться, ободриться» (106)) и однородное к нему *забудь* в модифицированном значении, близком к однокоренному глаголу *забыться* («...отвлечься от чего-н.» (198)), маркированы как позитивные.

Ряд языковых единиц фиксирует разнонаправленность воздействия *того* и *этого* года на лирического героя стихотворения. В парадигму негативно окрашенных средств входят наименования ядовитых веществ: *стрихнин*, *цианистый*. Актуализирует объединяющую эти слова сему 'вещество, приводящее к летальному исходу' мотив сведения лирическим героем счётов с жизнью, ранее заявленный глаголом-императивом *выкинься*. Жизнеутверждающий призыв «*Встряхнись!*» наступившего года подтверждается демонстрацией своей «бодрости». Здесь представляет интерес фраза «*и солнцем в градуснике тянется*». Примечательна она как в силу яркого образа, в ней заключённого, так и антагонистического соотношения значений лексемы *тянется* и глагола *падал*, использованного в создании образа *старого*, отравлявшему существование героя метафизическими *стрихнином* и *цианистым*, года. Глаголы *тянется*–*падал*, не будучи узально антонимами, в контексте стихотворения вступают в

оппозицию по «направлению» действия, которое они обозначают. Так, значение слова *тянется* — «вытягиваясь, направляться куда-нибудь» (820) ещё и в семантической связи со словом *солнцем* и образом *градусника* (традиционно со шкалой и движущейся по вертикали в трубочке жидкостью) полагает движение вверх. В то время как основное значение слова *падать* содержит сему 'опускаться(ся) сверху вниз' (488). Интересно в этом контексте и употребление слова *точь-в-точь*. Его значение «именно так» (808) (1. Совершенно точно, без всяких отклонений; 2. Совершенно так же (или такой же) [2]) предполагает воспроизведение чего-л. (предмета, действия, признака) в полной соответствии с оригиналом, неотлично от первоисточника и т. д. Однако автором это слов вписано не в тождество, а в оппозицию в качестве своеобразного его центра/рубежа («этот год» *точь-в-точь* как «тот год»). И в смысловом поле данного противопоставления уподобление слова *точь-в-точь* заключается не в сравнении годов по их подобию, а утверждение сходства силы их воздействия на лирического героя: для него наступивший год настолько жизнеутверждающ, насколько уходящий — токсичен.

Контекстуально противопоставлены персонифицированному *старому* году и образы *рождественской сказки Диккенса* и *солнца*. Культурное значение Чарльза Диккенса, помимо прочего, заключается в создании писателем своеобразной «рождественской философии» [1]. *Рождественская сказка* ассоциируются с его циклом «Рождественские повести» (1840-е гг.), в котором культивированы незыблемые ценности — «семейное тепло, бескорыстие, любовь к ближнему, сострадание» [Там же] — апофеоз добра. Выражение «с *солнцем* в *градуснике* *тянется*» в персонификации *этого* года может быть понято как описательный метонимический оборот, обозначающий повышение температуры с наступлением тепла. Но такое конкретно-предметное значение оборота усиливают общекультурные ассоциации (т. е. повышение «градуса» человеческого тепла, по Диккенсу), а также позитивные коннотации слова *солнце*. Последнее понимается не только как источник тепла, но и как источник жизни и блага (ср. *Цветок тянется к солнцу*) (820)).

В структуре стихотворения «Январь 1919 года» противопоставлению *того* и *этого* года отданы лишь два начальных четверостишия из пяти. При этом в первом дана, как это бывает в большинстве художественных произведений, завязка повествования, смысловой ключ которой заключён в слове *прогнал* — «заставить уйти, удалиться» (607) всё, что было накоплено в предыдущем году. Следующие три катрена стихотворения содержат описание собственно *этого* года. Логика антитезы, заявленная в первом и

развитая во втором четверостишии, даёт основание полагать, что она будет продолжена и далее. Однако судьбоносное для лирического героя воздействие *этого* года заставляет автора сосредоточиться на положительных его характеристиках, в частности, тех признаках, что объединены вокруг значения «побуждающий к жизни, поддерживающий жизнь». Образ *нового* года во второй части стихотворения опирается на несколько пересекающихся рядов: 1) образы, объединённые общей семой 'покой'; 2) образы с интегральной семой 'активное действие, состояние активности, деятельность'; 3) конкретные образы реалий материального мира.

Семой 'покой' объединены слова *ленивое веянье* (ленивый — «исполненный лени... медлительный» (323), см. также оттенок «полный бездействия, праздности, располагающий к лени» [2]; *веять* — «о ветре, струе воздуха, запахе: слабо литься» (78)), *покой*, *философ*. Заметим, что слово *философ* употреблено в составе сравнительного оборота, препозицией которого являются слова *птицы*, *крыши*. В составе этой конструкции лексема *философ* реализует житейско-бытовое значение «человек, к-рый разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, к её невзгодам» (852). Ретроспективно значение слова *философ* актуализирует «психологические» компоненты значения слова *покой* — «состояние тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствие беспокойства» (550). Однако в модифицированном поэтом значении образ *покоя* не противопоставлен активности, деятельности, а дополняет её таким компонентом семантической структуры этого слова, как «спокойное *душевное* и физическое состояние» [2], чем формирует представление о гармонии мира как отсутствию в нём беспокойства и тревоги.

Ряд, объединённый значением активности, составляют глаголы со значением а) движения — *пришёл*, *внёс*; б) речевой деятельности/волевого воздействия — *просит пить*; в) звукового воздействия — *шумит* (в тексте стихотворения «*внёс дворовый шум*»). Образуют этот ряд также слова, называющие психические качества и состояния (противоположные покою): *дерзок*, *разгорячён*, *вне себя* с общей для них семой 'интенсивность признака', актуализированной выражением *не вынести* («вытерпеть, выдержать» (115)) в значении «невозможно / очень трудно вытерпеть, сладить с ним».

Парадигмы обоих рядов объединены «вертикально» третьей, «предметной» парадигмой: *заря*, *птицы*, *крыши*, *панели*, *снеговая повинность* (т. е. «мобилизация „нетрудового населения“ на расчистку занесённых снегом улиц и железнодорожных путей» [8]) (соматизмы *рука*, *волосы* относятся к персонификации *года*, поэтому в этот ряд не включены). Примыкает к этому ряду словосочетание *дворовый шум* — «опредмеченное»

значение оно получает в позиции прямого дополнения и реализует значение объекта действия. По своему прямому значению компоненты этого ряда являются названиями примет городского пейзажа, но по контекстному значению все они связаны с тем или иным состоянием лирического героя — покоем или активностью.

Заметим, что предметный и «деятельный» ряды составляют предметы и действия заведомо обыденные: *градусник, птицы, крыши, просит пить, шумит, дворový шум*. Но всё же они, столь простые и будничные, помогают герою обрести равновесие. Даже такая подробность, как расчистка дорог после снежных заносов (*снеговая повинность*) «обернулась в этом стихотворении образом здоровья и шума врывающейся с улицы жизни» [8]. Так Б. Пастернак утверждает мысль о том, что стремление к жизни заложено в самой природе человека и постичь его помогает естественный порядок вещей — сама жизнь. Человеку не может не обрести утешения, в каких бы жизненных обстоятельствах он ни оказался. По мысли поэта, нужно быть чутким к жизни, и тогда все предметы вокруг станут проводниками и глашатаями радости бытия — радости БЫТЬ.

Взаимодополнение душевного покоя и физической активности лирического героя как признак его выздоровления, обретения гармонии с собой и миром достигается по «авторскому рецепту», прописанному в финальных строках стихотворения, которые требуется понимать буквально. В заключительном четверостишии обращает на себя внимание абсолютно неслучайная, на наш взгляд, игра слов: «Он *вне себя*. Он *внёс с собой*...». Фразеологизм *вне себя* («в крайнем волнении, в исступлении от чего-н.» (87)) в контексте со свободным словосочетанием *внёс с собой* обретает семантическую двуплановость: сквозь фразеологическое переносное значение «просвечивает» значение буквальное, составленное из прямых значений слов-компонентов: *вне* — «за пределами чего-н., не в ком-чём-н.» (87), *себя* — указание «на обращённость действия на самого производителя действия...» (707). Таким образом, при дефразеологизации оборот *вне себя* начинает означать 'обращённый вовне, открытый миру'.

Поскольку все признаки *этого* года семантико-стилистически маркированы положительно, а персонифицированный образ года соотносится с образом лирического героя, то очевидным становится понимание, что герой освободился от смертного ужаса *того* года. Процессу душевного выздоровления поэт даёт модальную оценку неизбежности, долженствования: «и — *делать нечего*» («выражение согласия из-за невозможности сделать, решить по-другому» (415–416), «иного выхода нет» [2]).

Взаимодействие природы и человека, мира и человека выражено у Пастернака метафорически — в образе *снега*-«лечебного средства», что *вылечивает тоску*. Слово *тоска* реализует, скорее всего, значение «душевная тревога, уныние» (805) (ср. «тяжелое гнетущее чувство...» [2]), но возможна и контаминация со значением «скука, а также (разг.) что-н. очень скучное, неинтересное» (805) (ср. «гнетущая, томительная скука» [2]). В сочетании с глаголом *вылечивать* («леча, сделать здоровым» (114)) реализуется в новом, неузואльном значении «душевная болезнь, ненормальное для человека состояние». Это новое значение получает контекстуальное уточнение при соотношении с антиномией «смерть / жизнь», «порыв к смерти / стремление к жизни», заявленной в первой части стихотворения. Стремление к жизни обусловлено (и одновременно реализовано) покоем и активностью всего окружающего как естественными проявлениями живого (в самом общем смысле). В соотношении с этим тоска — проявление смерти (скука же «негативный» аналог покоя; тревога — «негативный» аналог активности).

В целом стихотворение «Январь 1919 года» демонстрирует, как мировосприятие и система ценностей писателя отражается в корпусе текста, его семантико-стилистическом наполнении. «Приращения смысла» языковых единиц, приобретаемые ими в пространстве художественного (поэтического) текста, определяются как их семантикой, так и связями слов друг с другом и соотношениями словесных образов, опирающихся на взаимодействие лексических и коннотативных значений. Их цельность и связность обуславливают многомерность и выразительность порождаемых посредством индивидуально-авторских преобразований языка художественных образов.

В исследуемом стихотворении, относящемся к довольно ранним, но далеко не первым поэтическим опытам Б. Пастернака, реализованы те стилистические черты и семантические приёмы работы со словом, что будут характерны для зрелого творчества поэта: изобразительная конкретность предметных образов сочетается с философской глубиной и сложностью мысли. Выступая одним из «центральных моментов» [8] стихотворного цикла «Болезнь» (сборник «Темы и вариации»), стихотворение «Январь 1919 года» даёт картину предчувствий наступившего нового года в эпоху лихолетья российской истории начала XX века. Однако обретение душевного покоя и выздоровление, которого достигает герой стихотворения с наступлением нового года, заставляет видеть в творении Б. Пастернака жизнеутверждающий посыл.

Литература

1. Барбан, Е. Чарльз Диккенс как зеркало английского Рождества // Московские новости. 2007. 26 декабря.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
3. Колодяжная, Л. И., Шестакова, Л. Л. Количественные и качественные характеристики корпуса новых слов в «Словаре языка русской поэзии XX века» // Труды и материалы III Междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2007 г.). М., 2007. С. 126–127.
4. Лукин, В. А. Художественный текст : основы лингвистической теории: аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ось-89, 2009. 560 с.
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 256 с.
6. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2001. 960 с.
7. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. Т. 1 : Стихотворения и поэмы, 1912-1931 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; Предисл. Л. С. Флейшмана. М. : Слово, 2003. 576 с.
8. Пастернак, Е. Б. Борис Пастернак : Материалы для биографии (1989). Москва: Советский писатель, 1989. 694 с.
9. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 182 с.
10. Сененко, О. В. «Темы и вариации» в контексте раннего творчества Б. Пастернака: поэтика лирического цикла и книги стихов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сененко Олеся Владимировна. Москва, 2007. 17 с.

~